

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44
М97

Morgan Matson
THE UNEXPECTED EVERYTHING

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Folio Literary Management, LLC
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Серийное оформление *Ольги Жуковой*

Мэтсон М.

М97 Мороженое со вкусом лета: [роман] / Морган Мэтсон;
пер. с англ. В. Канухиной. — Москва: Издательство АСТ,
2018. — 544 с. — (Вместе и навсегда).

ISBN 978-5-17-105423-6

Со стороны жизнь Энди кажется идеальной. Да и как же иначе, если она дочь известного политика и всегда на виду. Девушку ждет престижная летняя стажировка. Ее окружают лучшие подружки. Она не обделена вниманием парней (и не важно, что все ее отношения длятся не дольше трех недель). Такой жизни можно только позавидовать!

Все меняется, когда вокруг отца Энди разгорается публичный скандал. Теперь девушка вынуждена провести все лето в городе, подрабатывая в фирме по выгулу собак. Не о таком лете она мечтала! Но, похоже, мироздание приговорило девушке сюрприз. Это лето она запомнит навсегда!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-105423-6

Copyright © 2016 by Morgan Matson
© В. Канухина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Джастину Чанде,
другу и редактору*

Благодарности

Джастин! Если бы я решила по-настоящему поблагодарить тебя за все, что ты сделал для этой книги, этот раздел был бы очень длинным. Так что я ограничусь двумя вещами. Хотя знаешь что? Пожалуй, тремя. Я же не за рулем. Спасибо за терпение и энтузиазм, за то, что ты поверил в эту историю с самого начала, и за твою непоколебимую уверенность, что в конце концов у нас получится книга, даже несмотря на месяцы задержки и на то, что она оказалась гораздо длиннее запланированной. Спасибо за твои совершенно невероятные комментарии. Как всегда, ты знал, о чем эта история на самом деле, раньше меня самой, и помогал мне ее найти, черновик за черновиком. И спасибо тебе за то, как замечательно с тобой работать: в гущу отсылок к «Властелину колец», звонков и электронных писем с эмодзи — это всегда прекрасно. Я бы не справилась с этим без тебя, и мне очень повезло, что ты у меня есть.

Также спасибо Эмили ван Бик, моему агенту и большой поклоннице. Кроме того, спасибо Молли Джаффе, Эми Розенбаум и всем в «Фолио».

Люси Рут Камминс, я даже не думала, что обложка может стать еще лучше. Но ты добавила ЩЕНКОВ! Ты гений. Спасибо, что воплотила в жизнь мои мечты.

И огромное спасибо Мередит Дженкс за прекрасные фотографии!

В Simon & Schuster мне повезло работать с лучшими из лучших. Спасибо Крисси Но, Кэти Хершбергер, Джону Андерсону, Энн Зафьян, Мишель Лео, Катрине Грувер, Дороти Гриббин и Люсиль Реттино. И особый привет Алексе Пастор, прочитавшей каждый черновик!

Я работаю в одном офисе с тремя самыми прекраснейшими людьми во всем Лос-Анджелесе. Рейчел Кон, Лесли Марголис и Джордан Ротер, спасибо за все. Я обещаю, что перестану забывать наливать воду в кулер.

Спасибо Анне Кэрри, Дженнифер Э. Смит и Дженни Хан. Дженни, за ту ночь в Италии!

Мне очень повезло узнать Джесси Кирби и Шиван Вивьен как прекрасных друзей и великолепных писателей. Спасибо вам за вдохновение и поддержку.

Спасибо Джейн Финн и Кэти Мэтсон. И отдельное спасибо моему брату, Джейсону Мэтсону, самому смелому человеку, которого я знаю.

И, конечно же, спасибо Мерфи — без него эта книга была бы закончена намного, намного быстрее.

*Древний посмотрел на Тамсин в свете костра.
— Слушай внимательно, когда люди рассказывают истории, — сказал он. — По своей сути каждая история, которую ты услышишь, сводится к одному из двух: некто отправляется в долгий путь либо чужак приезжает в город.*

Тамсин обдумала это, слушая треск огня:

— Но разве не может быть одновременно и то, и другое?

Древний долго смотрел на нее в молчании, словно видя нечто такое, чего она не замечала.

— Да, — наконец ответил он мрачным голосом. — Крайне редко, но такое возможно.

К. Б. Маккаллистер, «Убийство ворон»,
Nighttower & Jax, Нью-Йорк

Глава 1

Я пошевелила пальцами в слишком тесной обуви, заставила себя встать прямее и не обращать внимания на вспышки фотокамер, стрекочущих вокруг. На улице было довольно жарко, хотя время близилось к пяти вечера; а я, несмотря на жару, была одета в твидовую юбку до колен и белую блузку на пуговицах. Волосы я уложила феном и завила, в ушах красовались жемчужные сережки, я была слегка накрашена. Ясное дело, в обычную среду в начале июня я бы не стала разгуливать в таком виде; однако это была не обычная среда.

— Спасибо всем, что пришли, — сказал мой отец, стоя за трибуной, помещенной посреди нашего крыльца. Он на секунду замешкался, перекладывая бумаги, прежде чем начать свою речь, которую я знала наизусть. Питер Райт, глава его аппарата и главный политтехнолог, заставлял меня слушать ее много раз, пока я не научилась делать это, не меняясь в лице так, как будто все, что говорил мой отец, мне давным-давно известно и не способно меня удивить.

Однако в первую пару секунд, когда полились (теперь уже) хорошо знакомые слова, я удивленно тарасилась на трибуну: откуда она тут вообще взялась? Питер что, всегда возит парочку в своем внедорожнике?

— ...сожалею, что жители штата Коннектикут могли потерять часть своего доверия ко мне, — произнес отец, и я вернулась в реальность, перевела взгляд на него, надеясь, что мое лицо не выражает ничего, кроме дочерней поддержки. Потому что иначе эта история, и так уже захлестнувшая круглосуточные новостные каналы и проникшая в Интернет, только продолжит развиваться.

Не то чтобы я не понимала причин. Видный член Конгресса, один из выдающихся деятелей партии внешне оказывается в центре скандала, угрожающего не только всей его политической карьере, но и следующим национальным выборам! Заголовки множились как грибы после дождя.

Если бы подобное случилось с кем-то другим, я лишь пожимала бы плечами, глядя на круглосуточные репортажи: а чего еще они ожидали? Но это происходило здесь, на моем дворе, у меня на крыльце, с моим отцом. Конечно, я не могла быть беспристрастна.

Я взглянула на толпу репортеров и фотографов. Их камеры и фотоаппараты были нацелены на нас, постоянно слышалось щелканье затворов, напоминающих о том, что каждая секунда происходящего фиксируется. Эти акулы пера всегда чуют кровь. Что довольно очевидно по количеству народа на нашей лужайке и по фургонам прессы, выстроившимся вдоль квартала. Журналисты наводняли город с самого начала истории, однако до недавнего времени охрана Стенвич Вудс — микрорайона в городке Стенвич, штат Коннектикут, где мы живем, — не подпускала их к нашему дому. Поскольку обычно работа охранников состояла в том, чтобы приветствовать жителей и читать журналы, у меня было ощущение, что

они не слишком-то рады необходимости выстраивать оборону от крупнейших телеканалов.

От громких заголовков и кричащих сообщений было негде укрыться. В основном все они упирали на тот факт, что пять лет назад мой отец был выдвинут в вице-президенты, хотя потом отозвал свою кандидатуру, и намекали на то, что и на грядущих выборах он мог бы стать сильным претендентом на вице-президентское кресло, если не выше. О разразившемся скандале писали с плохо скрываемым злорадством, и каждый новый заголовок был хуже предыдущего: «Зарвавшийся сенатор свалился с небес на землю», «Политическая звезда гаснет из-за коррупции в партии», «Роковая ошибка Уокера». Я с детства привыкла к вниманию прессы, но *так* себя никогда не чувствовала.

Мой отец, член палаты представителей Александр Уокер, заседал в Конгрессе с того времени, когда мне было три. До этого он был публичным защитником¹, но я уже не помню жизни без умасливания избирателей, выстраивания стратегии и анализа округов. У родителей моих друзей бывали случаи, когда они занимались какой-то работой, потом увольнялись и забывали о ней навсегда. Но только не у моего отца. Работа была его жизнью — а значит, и моей тоже.

Когда я была маленькой, все было не так плохо, но в последнюю пару лет ситуация изменилась. Я всегда была неотъемлемой частью имиджа Александра Уокера: дочерью одинокого заботливого отца, который усердно трудится на благо жителей Коннектикута, — но

¹Одна из форм оказания бесплатной юридической помощи в США.

позже стала представлять собой еще и потенциальный риск. Мне пересказывали бесчисленные назидательные истории о детях политиков, которые уничтожили или поставили под угрозу карьеру своих родителей, — чтобы я понимала, чего именно мне *не следует* делать. В Сети или в присутствии прессы я должна была вести себя осторожно, не говорить ничего резкого (или такого, что могли бы счесть резким). Не должно было существовать моих снимков за каким-нибудь даже слегка сомнительным занятием или в неоднозначной одежде. У меня были аккаунты в социальных сетях, как у всех, только моими управляла целая команда стажеров, и я не имела права ничего в них писать без разрешения. В тринадцать лет я прошла недельный тренинг по медиакоммуникации и с тех пор далеко не отступала от официальной линии, сценария, роли, написанной специально для меня. Я старалась не создавать своему отцу и его команде никаких проблем.

Ну, не то чтобы я не делала совсем ничего неожиданного. Например, однажды я по привычке заказала латте во время тура на избирательной кампании, и сотрудники отца два часа обсуждали это на собрании. А потом еще час — уже вместе со мной, и у них даже была повестка встречи с заголовком «Александра», хотя в реальной жизни ни одна живая душа так меня не называла. Все звали меня Энди — так повелось с тех времен, когда я была маленькой и не могла произнести данное мне родителями имя из четырех слогов. В два года у меня получалось максимум «Андра», потом это превратилось в Энди — и спустя пятнадцать лет все так и оставалось. В общем, в итоге они решили, что в присутствии прессы я не должна больше покупать себе холодный латте без

сахара с соевым молоком за пять долларов, чтобы не выглядеть богатенькой девочкой, сорящей деньгами, пока простые жители Коннектикута еле сводят концы с концами. Кроме того, они не хотели расстраивать лоббистов производителей молочной продукции.

Казалось невозможным, что спустя годы крайней осторожности, внимания к мельчайшим деталям, боязни сделать малейшую ошибку все же разразилась катастрофа. Но не из-за каких-то моих поступков — или поступков моего отца, согласно той версии событий, которую Питер последовательно скармливал прессе с самого начала. А потому, что (по непроверенным данным) кто-то из его администрации принимал щедрые пожертвования, предназначавшиеся для его благотворительного фонда, и перенаправлял их в фонд для финансирования следующей избирательной кампании. Во время ревизии обнаружилось, что благотворительный фонд на грани банкротства. И люди начали задавать вопросы, что и привело к сегодняшним событиям, свалившимся на меня как снег на голову.

Две недели назад все было в порядке. Отец, как обычно, работал в Вашингтоне, я заканчивала учебный год, тусовалась с друзьями и размышляла о том, как бы удачнее расстаться с Заком. (В школьной раздевалке, сразу после его выпускного, резко и необратимо, словно срываешь пластырь с болячки.) А теперь на ступеньках моего дома торчит трибуна.

Я на секунду позволила себе взглянуть на толстый кабель на лужайке, примявший траву. Месяц назад мы с отцом снимали здесь промоматериалы к его осенней кампании. Отец в пиджаке, но без галстука, я в юбке и кашемировом свитере. По траве были рассыпаны

фальшивые осенние листья, чтобы выдать май за октябрь. Возможно, их купили или какому-нибудь стажеру пришлось их делать вручную — честно говоря, мне было не слишком интересно это знать.

Съемка шла весь день — сначала просто фотографии, потом видео: мы с отцом идем по лужайке и разговариваем. Как будто мы всегда наряжаемся в такую одежду, чтобы просто пройтись по лужайке вдвоем! Ближе к вечеру режиссер посмотрел на нас и вздохнул:

— У вас случайно нет собаки или чего-нибудь такого?

Отец, как обычно, уже висел на телефоне и даже не услышал вопроса. Тогда мне пришлось улыбнуться и ответить:

— Извините, собаки у нас нет.

Он кивнул, что-то сказал парню, державшему серебряный круглый светоотражатель, и мы просто перешли к следующему сюжету, продолжая создавать образ маленькой счастливой семьи.

Теперь, впрочем, я даже не знала, будут ли эти листовки со слоганом кампании — «Навстречу будущему» — вообще использоваться. С моего нынешнего места на ступеньках этот ракурс казался так себе.

— Я снова повторяю, что не имел ни малейшего представления о том, что средства используются не по назначению, — сказал мой отец, одним щелчком возвращая меня обратно в реальность. Его голос стал низким и серьезным; я почти физически ощущала, как замерли в ожидании представители прессы — словно знали, что сейчас прозвучит то, ради чего они сюда пришли. — Но факты есть факты: источник нарушения законов о финансировании избирательных кампаний находится

в моей администрации. И поскольку я руковожу этими людьми и отвечаю за них, я должен взять ответственность на себя. Как вы знаете, я попросил провести независимое расследование — такое, которое поможет разобраться в истоках произошедшего. Я велел своим сотрудникам оказывать максимально полную помощь следствию. И пока расследование продолжается, я...

В этот момент отец тяжело вздохнул и потер большим пальцем обручальное кольцо — его обычный нервный жест. В первый год после женитьбы на моей матери он потерял четыре кольца, в итоге она купила ему невероятно дорогое — в надежде, что уж его-то он будет беречь. Это сработало, но с тех пор он часто машинально проверяет, на месте ли оно. В прессе иногда обращали внимание на то, что он все еще его носит, хотя прошло уже пять лет — но сегодня, я подозреваю, этот вопрос никто не выкрикнет ему в лицо с лужайки, так как есть более «жирные» темы для заголовков.

— ...я ухожу в вынужденный отпуск. Не думаю, что смогу эффективно работать на благо округа и штата в этих обстоятельствах. Свои отпускные я намерен передать в Фонд исследования рака яичников.

Про пожертвование — это что-то новенькое. В последнем черновике речи, который Питер мне показывал, этого не было. Я постаралась ничем не выдать удивления, однако мне было любопытно: действительно ли они добавили это в последний момент или просто не сочли нужным мне рассказать?

— В это время я собираюсь подумать о том, какие мои действия могли привести к подобной ситуации, и провести время с близкими, — он повернулся в мою сторону, и я улыбнулась. Эту улыбку Питер заставил

меня отрабатывать сегодня утром. Она должна была выражать поддержку и сочувствие, ободрять, но при этом не быть слишком радостной. Понятия не имею, получилось или нет; все, о чем я думала, когда отец повернулся спиной к прессе, — это о том, как странно, что безумный спектакль мы разыгрываем на пороге собственного дома.

— Сейчас я не буду отвечать ни на какие вопросы. Всем спасибо за внимание.

Он повернулся спиной к трибуне, и в этот момент репортеры на лужайке принялись выкрикивать вопросы. Как мы и договаривались, я пошла ему навстречу, он обнял меня за плечи, и кто-то распахнул перед нами дверь изнутри. Я оглянулась и увидела, как за трибуну встал Питер, готовясь грудью встретить тот удар, от которого мой отец уходил.

Как только мы вошли внутрь, отец опустил руку, и я шагнула в сторону. Один из стажеров, приехавших вместе с Питером на прошлой неделе, уже захлопнул за нами дверь. Стажер кивнул моему отцу и моментально испарился из прихожей. Почти все они — я никогда не интересовалась именами (ну разве что только самых симпатичных) — с начала скандала стали его избегать, старались не смотреть ему в глаза и явно чувствовали себя неловко. Раньше они все неумолимо следовали за каждым его движением, стараясь доказать собственную полезность, чтобы позже получить место получше. Но теперь отец словно стал радиоактивным — как будто простое пребывание с ним в одной комнате ухудшало их карьерные перспективы.

— Спасибо, — сказал он, когда откашлялся. — Знаю, для тебя это непросто.

Только из-за многих лет практики и того тренинга по медиакоммуникации, впитавшегося в плоть и кровь,

я не закатила глаза. Как будто моему отцу когда-то было дело до того, что мне легко, а что нет.

— Все нормально.

Он кивнул, и повисла тишина. Я внезапно осознала, что мы совершенно одни: ни Питера, ни вечно звонящего телефона. Я некоторое время пыталась вспомнить, когда мы с ним в последний раз оставались одни — сами по себе, а не для камер, нарочито пытаюсь выглядеть естественными. Я сообразила, что это, вероятно, было в декабре, когда мы ехали в машине на благотворительное мероприятие во время рождественских каникул. Он пытался спрашивать меня об учебе, пока нам обоим не стало мучительно очевидно, что он совершенно не в курсе, чем мы сейчас занимаемся в школе. Через пару минут мы сдались и оставшуюся часть пути просто слушали новости по радио.

Я подняла глаза и увидела отражение в большом зеркале в прихожей. Было немного странно видеть нас рядом. Мне всегда хотелось думать, что я похожа на маму, — так и было, когда я была маленькой. Но с каждым годом все больше увеличивалось сходство с отцом — доказательство тому я видела в зеркале прямо передо мной. У обоих веснушчатая кожа, густые каштановые волосы, черные брови, которые постоянно надо было выщипывать, чтобы они смотрелись аккуратно, голубые глаза и темные ресницы. Даже ростом я пошла в него — была высокой и длинноногой. А мама была изящно сложена, имела светлые вьющиеся волосы и зеленые глаза. Я отвела взгляд и сделала шаг назад. Теперь картина в зеркале мне нравилась гораздо больше: в нем отражался только отец, а до этого казалось, что нас с ним насильно поместили в одну раму.

— Ладно, — сказал он и полез в карман пиджака — несомненно, за своим любимым «блэкберри». Через пару секунд остановился, задумался, и его рука бес- сильно упала — очевидно, он вспомнил, что телефона там нет. Питер его конфисковал, чтобы он случайно не зазвонил во время пресс-конференции. Мой он тоже забрал, и даже я призналась, что это хорошая идея, так как три мои лучшие подруги любили время от времени устраивать эпические обсуждения в чате. Даже в без- звучном режиме жужжание все равно бы отвлекало, что могло бы вызвать новую волну возмущения в прессе. «О, ты знаешь, эта пресс-конференция така-ая скучная! Дочь Уокера даже не в силах отвлечься от телефона, чтобы по- смотреть, как карьера ее отца летит в тартарары!» Отец засунул руки в карманы и снова откашлялся:

— Энди... насчет этого лета. Я... э-э-э...

— Меня не будет, — напомнила я, и, даже просто произнося эти слова, почувствовала облегчение. — Про- грамма начинается послезавтра.

Отец кивнул, нахмутив бровь, — это означало, что он понятия не имеет, о чем я, но не хочет этого признавать и пытается казаться вовлеченным и заинтересованным. Я много раз за эти годы видела, как он проделывает по- добное с избирателями и оппонентами, и постаралась не удивляться тому, что он об этом забыл.

— Программа молодых исследователей в Универ- ситете Джона Хопкинса¹, — пояснила я, зная, что так проще всего выйти из этой неловкой ситуации.

¹Престижный частный исследовательский университет в США.